

Я считаю, что от природы я не был хорошим человеком — меня изменило лишь воспитание.

В детстве я лишил жизни множество невинных существ. Я топил муравьев, отрывал крылья бабочкам и даже протыкал гвоздями панцири черепах — всё это было экспериментами, от которых я получал неизменное удовольствие. Как-то раз в дождливый день я пришел к пруду, заживо содрал кожу с маленькой лягушки и положил её на камень у порога дома, желая посмотреть, как долго она протянет. Впрочем, месяц спустя я уже давно забыл об этом, и когда вспомнил, от неё осталась лишь одна скелетная рамка.

Пройдя через дикое взросление и борьбу с нищетой и страстями, я наконец окончил учебу. Но бурная, все более неистовая энергия юности — словно стебли пшеницы, стремительно идущие в рост — с каждым днем лишь крепла. Тогда мне казалось, что эта бурная страсть и кипящие желания пребудут со мной вечно. Однако теперь, сидя перед компьютером и набивая эти записки, я превратился в выхолощенного быка.

Мы, чью юношескую кровь было некуда девать, обратили свой взор на незнакомую женщину. В томительное праздное время после окончания вступительных экзаменов в университет мы с Ся Хуа около часа просидели в засаде в городских трущобах, и всё ради того, чтобы подглядывать, как моется арендующая здесь комнату студентка.

— Хуа-гэ, разве это хорошо с нашей стороны? — с тревогой в голосе спросил я, но при этом и не думал сдвигаться с места в переулке. Прижавшись лицом к железной двери жилища студентки, я чувствовал, как сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Впервые в жизни я отчетливо осознал, что брожу на самом краю преступной бездны.

— Расслабься, черт побери, я всё давно рассчитал! Эта баба каждую пятницу в это время обязательно моется! Я за ней целую неделю следил. Она вечно уходит на свидания именно в этот час, так что перед этим непременно принимает ванну! — На лице Ся Хуа застыло самодовольное выражение, но меня всё равно терзали сомнения: — А вдруг нас поймают? Разве мы зря столько пахали ради поступления в университет? Игра не стоит свеч! — Черт возьми, ну глянем мы, и что такого? Разве женщины не для того созданы, чтобы ими любовались? Чего ты такой трус? Мы же не собираемся делать ничего противозаконного, главное — не попасться! — Ся Хуа выглядел совершенно невозмутимым, а его привычный, ни капли не испуганный вид передал мне какое-то странное беспокойство.

— С чего ты вообще взял, что эта барышня сегодня идет на свидание? — с сомнением в голосе спросил я.

— Я каждый день по дороге из школы прохожу через этот переулок и вечно вижу, как она возвращается. Я уже давно понял, что она та еще вертихвостка — вечно носит мини-юбки. С самого окончания экзаменов только и делаю, что отслеживаю ее. Не бойся, мы просто разок посмотрим! А после этого ни за что сюда больше не вернемся! Я ведь тоже боюсь влипнуть, — самодовольно заявил Ся Хуа.

— Ну ты и нахал, ха-ха, — расхохотался я. — Не боишься, что она в полицию заявит?

— Чего бояться-то, я же просто посмотреть на нее хочу, подумаешь! Раз уж уродилась красивой, так и посмотреть нельзя?

Во все времена именно он был главным заводилой в нашей паре: он разрабатывал планы, а я во всем ему подчинялся. Набравшись смежности, я попробовал толкнуть старую железную калитку, чтобы проверить, заперта ли она.

Железная дверь со скрипом подалась, издавая тихий скрежет заржавевшего металла. Летний вечер оседал капельками пота на наших лбах, а лишенный фонарей переулок, окутанный теньями, постепенно погружался во мрак. В духоте не было ни ветерка, и мы слышали дыхание друг друга.

Раздался глухой стук — дверь открылась. У нас с Ся Хуа сердца едва не выпрыгнули из груди, и мы тут же, словно испуганные птицы, шмыгнули за угол переулочка, забившись в самый дальний закуток и вытянув шеи, уставились на дверь дома студентки. Однако прошло полминуты, но ничего не произошло. Набравшись храбрости, я на цыпочках подошёл, просунул голову в железную дверь и увидел, что внутри находится небольшой двор, а за ним — ещё одна пара плотно закрытых парадных дверей дома ученицы. Мы с Ся Хуа тут же несказанно обрадовались и решили войти внутрь, чтобы во всём разобраться.

— Я полезу первым, а ты покараулишь у входа! — беззвучно шевеля губами, скомандовал Ся Хуа, чётко разделив роли, как мы делали это раньше.

Но на этот раз я почему-то не захотел подчиняться. Меня охватило нетерпение:

— Твою мать, смотреть — так вместе! Если поймают, скажем, что заблудились! — злобно зашипел я, понизив голос.

Не слушая никаких возражений, я вместе с ним присел на корточки под окном у внутренней двери, пытаясь подглядеть за жизнью ученицы.

Украдкой приподняв голову, я расслышал доносившиеся изнутри сдавленные женские рыдания. Оказалось, ученица разговаривала по телефону с подругой и жаловалась на что-то. Под ветхим шкафом смутно виднелась ночная ваза, и оставалось только гадать, что в ней было налито. На ученице был надет обычный синий марлевый костюм матроски; сидя на кровати возле обшарпанного шкафа, она одновременно говорила по телефону и утирала слёзы, и этот заплаканный вид был донельзя трогательным.

— А она и правда хорошенькая, братец Хуа, — пошло сглотнув слюну, прошептал я.

Ся Хуа же смотрел на неё во все глаза, не отрывая взгляда.

— Чего она ревет? Такая красotka, а из-за чего переживать? — недоумённо протянул я.

Брат Хуа молчал, с тревогой вытягивая шею и пытаясь хоть что-то расслышать. Спустя

мгновение он выдал:

— Похоже, эта девчонка беременна — ревёт и её тошнит. Говорит, что бросил парень, денег на аборт в больнице нет, а семье признаться боится. Плачет, просит у подруги займы, а та её отчитывает.

Тогда я ещё ничего не понимал:

— А тошнота-то тут при чём? И почему нельзя семье сказать?

— Дурной знак, пошли отсюда! Зря только сходили, больше ни ногой сюда, — с досадой бросил Ся Хуа, отпрянув от подоконника, и, не оглядываясь, протиснулся обратно через щель в воротах. Я испугался, что задену створку, и поспешил следом, тоже кое-как проскользнув наружу.

— Чего это мы? — удивился я. — Только пришли — и сразу уходить. Какой ещё дурной знак?

— Эту бабу бросили, она собралась делать аборт, у неё там внутри чуть ли не человек умирает — разве это не дурная примета? — презрительно фыркнул брат Хуа.

Я восхищался им до глубины души. Откуда только он набирался всех этих знаний? Но как бы то ни было, возвращаться сегодня с пустыми руками и просто так расходиться по домам казалось ужасно скучным.

— Что теперь делать? Скукотища смертная. И результаты экзаменов неизвестно когда объявят, хоть бы какое-то дело найти, — рассуждал я, пиная ногами валявшуюся на земле жестяную банку из-под газировки и поджидая указаний от брата Хуа.

— Может, в интернет-кафе пойти? В Северном вроде ремонт закончился, — подумав с минуту, выдал Ся Хуа. В свои семнадцать лет он тоже не мог придумать другого места для развлечений. Пределом мечтаний нашего нищенского воображения было именно интернет-кафе.

В мгновение ока мы дошли до Северного интернет-кафе. Насквозь пропитанное запахами пота и табака помещение принесло мне странное успокоение: это было как раз то место, куда следовало отправляться таким людям, чья душа прогнила изнутри. Чистые, сияющие окна и залитые ярким светом залы лишь напоминали о том, что моей внутренней тьме негде спрятаться. Мы отыскивали свободные места в самом углу общего зала, уселись бок о бок и стали ждать загрузки компьютеров.

Пока мы ждали, напротив нас непринужденно уселась длинноволосая девушка в розовой футболке. От неё повеяло свежим и сладковатым ароматом. Я не удержался, жадно втянул носом этот воздух и лишь потом медленно выпустил его обратно. Конечно, красивыми девушками все любит любоваться, но если пялиться слишком долго, со стороны это выглядит по-хамски, особенно если вспомнить, какую глупость мы только что совершили.

Тогда я переключил всё внимание на истребление врагов на экране, выпуская наружу казавшуюся неисчерпаемой подростковую энергию. Слившись с галдящей толпой интернет-кафе, я вместе со всеми орал и ругался матом, больше не ощущая одиночества.

<http://bllate.org/book/20883/2111626>